

Философия и культура*Правильная ссылка на статью:*

Татищев А.А. Постантропоцентрическая модель развития гуманитарных наук // Философия и культура. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.10.76352 EDN: JHRQFR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76352

Постантропоцентрическая модель развития гуманитарных наук

Татищев Александр Андреевич

ORCID: 0009-0001-2703-496X

ассистент; кафедра теории и истории культуры; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена»

191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. Реки Мойки, д. 48

ksandr.taiev@gmail.com

[Статья из рубрики "Философия науки и образования"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0757.2025.10.76352

EDN:

JHRQFR

Дата направления статьи в редакцию:

20-10-2025

Аннотация: В статье рассматривается становление постгуманитарной модели научного познания, формирующейся на фоне кризиса классической гуманистики, когнитивного капитализма и процессов постчеловеческой конвергенции. Особое внимание уделяется переходу от гуманистических и антропоцентрических эпистемологических парадигм к постгуманистическим и постантропоцентрическим подходам, основанным на трансверсальности, множественности и реляционных формах субъектности. Анализируется трансформация дисциплинарной структуры науки, в рамках которой пересматриваются границы между гуманитарными, социальными и естественными дисциплинами за счёт включения в поле исследования нечеловеческих агентов – животных, технологий, медиасред и экологических систем. Обосновываются философские и методологические основания постгуманитарного подхода, включая онтологию витального неоматериализма, принципы реляционности и трансверсальности, а также критику универсалистских представлений о научной объективности и валидности. Выделяются ключевые категории, такие как дефамилиаризация, номадизм,

аффективность и экософия, формирующие новые когнитивные и образовательные модели. Методологическая основа исследования опирается на широкую постантропоцентрическую оптику, включая постдисциплинарный и трансверсальный подходы. Используются философско-герменевтический и критический дискурс-анализ, а также сравнительный метод. Научная новизна исследования заключается в уточнении методологических оснований постгуманитарных наук и в обосновании понятия трансверсальности как принципа организации современного гуманитарного знания. В работе раскрывается потенциал постгуманитаристики как формы критического номадического мышления, соединяющей онтологию витального неоматериализма с аффirmативной этикой и экологической чувствительностью. Предлагается авторская интерпретация постгуманитарной парадигмы как перехода от дисциплинарного гуманизма к реляционным и экософским моделям знания, где субъект познания мыслится как множественная, распределённая, аффективная и ответственная сборка. Отмечаются как продуктивные возможности постгуманитарной перспективы – расширение горизонтов знания, переосмысление субъекта и этики, – так и потенциальные риски: методологическая фрагментация, десубъектизация исследователя и воспроизведение гегемонистских установок под видом критического дискурса.

Ключевые слова:

философия науки, гуманитарные науки, постгуманитарные науки, постантропоцентризм, постгуманизм, трансверсальность, неоматериализм, номадический субъект, Рози Брайдотти, критические исследования

Введение

Антропологический кризис и современное постчеловеческое состояние нашей цивилизации, вызванное технонаучным характером современной глобальной экономики, повлекли серьезные последствия для научной сферы, в особенности для гуманитарных наук. Как отмечают исследователи, сегодня в капиталистических обществах можно встретить ситуацию, в которой гуманитарные науки оказались выведены из профессиональной сферы исследований и были опущены до уровня «неточных» наук, что вызывает высокий риск исчезновения гуманитаристики из европейских университетских программ [\[1, с. 25\]](#). При этом и сами университеты как институция сегодня часто обвиняются в непродуктивности, нарциссизме и старомодности, а также оторванности от современной научно-технической культуры [\[1, с. 293\]](#).

В то же время секулярность, универсализм, идея унитарного субъекта и примат рациональности, составляя ядро гуманизма, послужившего основанием для классической науки, одновременно выявляют и её внутреннюю уязвимость: то, что претендовало на универсальное, оборачивается формами скрытого догматизма. История науки демонстрирует, как её достижения и методы оказывались инструментализированы в рамках фашистских и колониальных проектов, что делало её соучастницей националистических [\[2\]](#), расистских [\[3\]](#) и гегемонистских [\[4\]](#) дискурсов. Негативные диалектические процессы секуляризации, натурализации и расового определения «других» воспроизводили режимы частичного знания и полуправды, институционализируя практики исключения и маргинализации [\[1, с. 56\]](#). Критика также подчеркивает, что классические гуманитарные науки пронизаны структурным антропоморфизмом, европоцентризмом [\[5\]](#) и «методологическим национализмом» [\[6\]](#).

Подобные эпистемологические слепые зоны не только формируют их устойчивую враждебность к естественным наукам и технике, но и блокируют способность учитывать культурное и геополитическое многообразие. Более того, подобная оптика делает гуманитарное знание неспособным отвечать на вызовы цифровой эпохи, укрепляя его в пределах дисциплинарной замкнутости.

Таким образом, одним из главных парадоксов сегодняшней эпохи становится напряжённость между необходимостью срочного поиска новых альтернативных форм политического и этического действия в насыщенном технологическом мире и инерцией закрепившихся привычек. В этой перспективе современная наука нуждается в экспериментальной и трансгрессивной активности мышления, способной соединить критику с творчеством и утвердить теорию как форму организованного отчуждения от господствующих ценностей и норм.

Целью настоящего исследования является философско-теоретическое обоснование постгуманитарной модели научного познания и выявление её методологических оснований в контексте трансформации современного гуманитарного знания. Для достижения этой цели ставятся следующие задачи:

1. Определить концептуальные предпосылки перехода от антропоцентрической к постантропоцентрической парадигме науки;
2. Проанализировать влияние постчеловеческой конвергенции и когнитивного капитализма на эволюцию гуманитарных дисциплин и системы образования;
3. Раскрыть принципы трансверсальности, реляционности и множественности как методологические основания постгуманитаристики;
4. Рассмотреть роль нечеловеческих агентов в формировании новых форм знания;
5. Выявить философско-этические последствия постантропоцентрического поворота для понимания субъекта и ответственности исследователя.

Объектом исследования выступает современная гуманитарная наука в условиях постчеловеческой конвергенции, а предметом — постгуманитарная модель познания как новая эпистемологическая конфигурация, формирующаяся на пересечении науки, философии и технологий. Методологическая основа исследования строится на сочетании философско-герменевтического, критико-дискурсивного и сравнительного подходов. Философско-герменевтический метод позволяет реконструировать смысловые контуры постгуманитарной мысли, выявляя её связь с традицией критической теории, философией постгуманизма и нового материализма. Критический дискурс-анализ используется для выявления ключевых нарративов постантропоцентрического поворота, определяющих изменение эпистемологических установок и понятийного аппарата гуманитарного знания. Сравнительный метод направлен на сопоставление гуманистической и постгуманитарной моделей науки, что позволяет проследить сдвиг от антропоцентрической парадигмы, основанной на универсализме и автономии субъекта, к постантропоцентрической, реляционной и трансверсальной эпистемологии.

Таким образом, исследование направлено на системное осмысление постгуманитаристики как критической теории, переопределяющей границы гуманитарного знания и формирующими новые основания для философской рефлексии науки, техники и культуры в эпоху постантропоцентризма.

Постантропоцентрический контекст развития гуманитарного знания

Наблюдаемый сегодня распад антропоцентризма и крах гуманизма вызвали смещение

дискурсивных границ и категориальных различий, которые также приводят к внутреннему расколу гуманитарных наук. Как отмечают представители постгуманизма, традиционное самовосприятие «Человека» способствовало развитию эгоцентризма как образа мышления, что «извратило» практику гуманитарного познания, превратив его в опыты по иерархическому исключению и культурному господству. Поскольку понятие «Человека» является не нейтральным термином, а особым индексом доступа к власти и привилегиям, традиционные гуманитарные науки приняли и встроили гуманизм как нормативную эпистемологическую структуру, используя формы универсалистских, европоцентрических, гетеронормативных и маскулинных мировоззрений [7]. Ограниченност这些 встроенных предпосылок была выявлена за последние десятилетия не только социальными движениями, но и критическими дискурсами, междисциплинарными областями, принявшими форму так называемых «исследований» и предложившими иные определения «человеческого»: женскими, постколониальными, этническими, расовыми и культурными. Все они предприняли попытку сформировать новое знание о тех, кто был до того времени не включен в категорию «человеческое» или структурно от нее отличался.

Сформированные радикальные эпистемологии и новая критическая теория, сместив внешние дисциплинарные границы в гуманитарных науках, ввели новые темы и методологии, которые помогли раскрыть скрытый гуманизм и европоцентризм, ставя под вопрос принципы и достижения европейского реализма, а также его роль в проекте западного модерна, раскрывая схожесть рациональности и насилия, научного прогресса с одной стороны и практик структурного разрушения и исключения — с другой [8, с. 1183]. Предлагая небинарный, многовекторный способ анализа функционирования науки, философии и искусства с точки зрения социально исключённых групп, и опираясь на жизненный опыт как основание знания и способ понимания, эти дискурсы акцентировали внимание на вопросах власти, утверждая, что «Человек» является исключающей категорией, которая структурировала собственное гегемонистское самопонимание путём иерархизации различий.

Д. Чандлер также утверждает, что после антигуманистического поворота М. Фуко традиционная организация университета с разделением на факультативные структуры оказалась подорвана ростом новых дискурсивных сфер [9]. В конечном итоге умножение дискурсов стало как угрозой для классического университетского гуманитарного образования, так и возможностью для развития таких методологических инноваций, как критический генеалогический подход, позволяющий углубить риторику об антропологическом кризисе. Если гуманитарные науки, основанные на догматах классического гуманизма, должны были отличаться способностью гуманизировать ценности, социальное поведение и гражданские отношения, что подразумевало моральную ответственность и заботу о благосостоянии ученых, студентов и граждан, то предметом междисциплинарных исследований сегодня становятся катастрофы Новой и Новейшей истории. Это, по мнению, Р. Брайдотти, является институциональным ответом на наблюдаемые бесчеловечные явления постантропоцентрических перемен — в эпоху войны с терроризмом, массовой миграции, роботизированного оружия и дронов, которые используются в высокотехнологичных глобальных конфликтах [1, с. 283–284].

При этом преодолевая ограничения антропоцентризма и разрушая иерархию биологических видов, фигура человека рискует остаться без опоры и ориентиров, лишая сферу гуманитарных наук необходимых эпистемологических оснований. Дополнительное напряжение в этой ситуации связано с формированием новых человеко-нечеловеческих связей, представляющих собой сложные интерфейсы между биологическими

организмами и техническими устройствами. Однако, как отмечает Брайдотти, подобный технологизированный постантропоцентризм, напротив, может использовать информационные и телекоммуникационные технологии, а также технологии новых медиа, чтобы обновить гуманитарные науки, поскольку постчеловеческая субъективность неизбежно формирует идентичность гуманитарных практик, обращая внимание на гетерономию и множественную реляционность вместо автономии автореферентного «дисциплинарного пуризма» [1, с. 279]. В этой перспективе антропоцентрическое ядро гуманитарных наук должно смениться конфигурацией комплексных знаний, преимущественно из исследований науки и техники, что открывает возможность выхода на новое глобальное экософское измерение.

Сегодня эволюционные, экологические, когнитивные, биогенетические и цифровые исследования продолжают выходить за рамки дисциплинарных границ классических гуманитарных наук, формируя постантропоцентрическое представление о технологизированной Жизни как о зоо-центрической эгалитарной системе биологических видов. Одновременно наблюдается стремительный рост экогуманитарных исследований, фиксирующих геологическое воздействие человеческой деятельности [8, с. 1188]. В этом контексте на Западе складываются новые междисциплинарные области, такие как «устойчивая гуманитаристика» [10] и «гуманитаристика антропоцен» [11], которые вводят значимые методологические и теоретические инновации, свидетельствующие о завершении эпохи денатурализованного социального порядка, оторванного от экологического и органического оснований. Параллельно развивается богатое терминологическое поле: в оборот входят новые неологизмы и смежные направления, среди которых медицинские, био-, нейро- и эволюционные гуманитарные науки. Расширяется и спектр практико-ориентированных подходов — от «публичных гуманитарных наук» к «гражданским», «коммунальным», «трансляционным», «глобальным» и «расширенным» их формам. Особого институционального оформления достигли «цифровые гуманитарные науки» [12], также известные как «вычислительные», «информационные» или «дата-гуманитарные». Их истоки также чрезвычайно многообразны — от исследований мозга, лингвистики и робототехники до медиаstudий, библиотековедения и применения вычислительных методов к гуманитарному знанию, что подтверждает радикальную трансформацию самой структуры гуманитаристики.

Постгуманитарные науки

В рамках смены парадигмы с антропоцентрической на постантропоцентрическую в академической среде вводится понятие «постгуманитарные науки», которое позволяет расширить исследования человека, добавив «постчеловека» и «постчеловечество» [13, с. 107–108]. Постгуманитарные науки предлагают новое позиционирование гуманитарного знания в условиях постчеловеческой исторической ситуации, открывающей новые перспективы как для субъектов, так и объектов знания. Они представляют собой как эмпирически обоснованные критические подходы к постчеловеческой конвергенции, так и творческие и спекулятивные способы взаимодействия с ней, где «постчеловеческое» рассматривается как концептуальный инструмент, направленный на расширение понимания человеческого, акцентируя внимание на трансверсальных связях, множественности масштабов, словес и локализаций для современных постчеловеческих субъектов [8, с. 1182]. Описываемая постчеловеческая конвергенция происходит в историческом контексте ускорений или де-/ретерриторизации позднего капитализма как шизоидной или структурно фрагментированной системы, в которой экономика знания

движима нечеловеческим разумом передовых технологий [14]. Отражение подобных процессов можно найти в таких концепциях, как «когнитивный капитализм» [15], «платформенный капитализм» [16] и «четвёртая промышленная революция» [17], которые вместе с тем совпадают с планетарным разрушением окружающей среды и ускорением климатических изменений, также известными как «Антропоцен» [18] или «шестое вымирание» [19].

Возникновение постгуманитарных наук предлагает продуктивную возможность переопределения современного знания, принимая во внимание с одной стороны вседесущность технологического посредничества, а с другой — эскалацию экологических катастроф и исчезновения видов, что возможно представить благодаря введению концепта «трансверсальности», помогающего уравновесить оба полюса постчеловеческой конвергенции [8, с. 1182]. Акцент на витальном неоматериализме, который обеспечивает онтологическую основу критического постгуманитарного знания как трансверсального поля, также представляет собой способ сопротивления бизнес-модели неолиберального высшего образования. Постгуманистическая трансверсальность развивается как организационный принцип, критикующий пирамидальную структуру академических учреждений и иерархическую цепочку управления, лежащую в основе большинства университетов [20]. Она также ставит под сомнение роль капитала в высшем образовании, устроенном как глобальный рынок, и неравные трудовые отношения, к которым это приводит, — с огромным «прекариатом» на нижних ступенях академической иерархии [8, с. 1191]. Практики трансверсальности, основанные на сообществе, служат противодействием от корпоративизации университета и монетизации знания, поскольку вводят неиерархическую модель реляционности и бескорыстного аффекта в сферу образования. Как отмечают многие исследователи [21–22], постгуманитарные науки выдвигают на первый план постдисциплинарность как трансформирующий принцип, дестабилизирующий гегемонистскую власть отдельных дисциплин и иерархии знания, которые структурируют академическое разделение между социально-гуманитарными и естественными науками. Новые институциональные формы и методы организации постчеловеческого знания должны разворачиваться в трансверсальных диалогах — через совместные, открытые академические пространства, где общественная работа может осуществляться в неконкурентной среде.

Целью постгуманитаристики как критической теории становится переосмысление человеческой истории и роли самого человека, а также рассмотрение нечеловеческих аспектов этой истории: истребление видов, геноцидов, войн, терроризма, пыток, эксплуатации, массовых миграций, насильственных переселений, принудительной ассимиляции. На этом фоне развиваются и соответствующие области критических исследований, но уже «второго поколения», ориентированные на нечеловеческие объекты и субъекты знания: исследования животных, экокритика, ботанические и океанические исследования, исследования Земли, питания и диет, моды, успеха, травмы, памяти и примирения, прав человека в медицине, а также критические исследования менеджмента. Параллельно развивается и поле исследований новых медиа, которое дробится на отдельные направления: исследования программного обеспечения, интернета, компьютерных игр, алгоритмов и кода. Возрастающий интерес к вопросам безопасности стимулирует появление критических исследований безопасности, а также тематик, связанных со смертью, самоубийством и вымиранием. Возникают глобальные центры исследования конфликтов и проблем мира, а также особые институциональные структуры, которые совмещают исследования с терапевтической

функцией, чтобы помочь справиться с нечеловеческими и болезненными аспектами травматического опыта [23]. Таким образом, возникновение новых междисциплинарных областей исследования продолжают и дополняют традиции гуманитарных наук по преобразованию мира, но уже в нечеловеческом контексте, что позволяет расширить границы классических гуманитарных дисциплин за счет не столько количественного расширения, сколько качественного сдвига в перспективе и методах.

Модель познающего субъекта постгуманитарных наук

Постгуманистика бросает вызов устоявшимся формам гуманистического и антропоцентрического мышления, подвергая сомнению такие дихотомии, как природа/культура, человек/нечеловек, bios/zoe, категориальные границы которых носят не только концептуальный, но и методологический характер, поскольку поддерживают социально-конструктивистскую методологию, лежащую в основе традиционных гуманитарных дисциплин. Такая бинарная методология оказывается неэффективной в условиях экософского, постантропоцентрического, гео-ориентированного и техно-опосредованного мира, поэтому на ее смену должен прийти аффirmативный метод со-конструирования и выражения витальных, неоматериалистических перспектив и позиций [8, с. 1185].

Под новым субъектом познания постгуманитарных наук понимается сложная трансверсальная совокупность zoe-/гео-/техно-связанных факторов, включающих людей как часть материальной сети взаимодействующих человеческих и нечеловеческих агентов. Эти трансверсальные субъективности, сформированные в модусе экософических ассамбляжей, включающих нечеловеческих акторов, подчеркивают укоренённое, ситуативное и перспективистское измерение знания. Постгуманистические субъекты новых наук, таким образом, возникают как критический и творческий проект в рамках постгуманистической конвергенции, вдоль постгуманистической и постантропоцентрической осей исследовательского поиска, объединённые аффирмативной этикой, которая актуализирует нереализованный или виртуальный потенциал того, кем исследователь способен стать.

Трансверсальность постгуманистики изначально исключает любой предопределённый результат в процессе формирования новых субъектов знания: то, кем они могут стать, — это вопрос реляционных альянсов и непрерывных материальных практик, понимаемых в качестве имманентного неоматериализма и ситуативного перспективизма [24]. Таким образом, субъекты, определяемые как трансверсальные реляционные сущности, не совпадают с либеральным индивидуумом, а представляют собой событие сложных сингулярностей или интенсивностей [25], где сама субъективность одновременно постличностна и прединдивидуальна, полностью погружена в условия, которые она стремится понять и изменить. Как замечает Брайдотти: «Мы, в конце концов, — вариации общей материи; иначе говоря, мы отличаемся друг от друга тем более, чем в большей степени соопределяем себя внутри одной и той же живой материи — экологически, социально и аффективно» [8, с. 1187].

Рассматриваемый трансверсальный подход оказывает влияние и на развитие постгуманистической педагогики и образования [26], поскольку основывается на идее становления субъекта как события, происходящего трансверсально — между природой и технологией, локальным и глобальным, настоящим и прошлым — в ассамбляжах, пересекающих и смешающих бинарные оппозиции [7]. Акцент на политике имманентности позволяет включать в образование неантропоморфные элементы — будь то животные,

природные сущности или технологические аппараты. Zoe-/гео-/техно трансверсальные сущности позволяют мыслить через прежние границы между видами, категориями и доменами. Трансверсальность способствует установлению связей с животными, с алгоритмическими системами, с планетарными организмами — на равных, но ризоматических основаниях, включающих в себя территории, геологию, экологию и технологии выживания. Таким образом, трансверсальная модель постгуманитарных наук и образования нацелена на формирование субъекта, который будет позиционировать себя в мире и как часть мира, отстаивая идею производства знания как укоренённого, воплощённого, аффективного и реляционного [\[8, с. 1190\]](#).

По этому принципу новая модель гуманитарных наук предлагает рассматривать теоретический и научный текст как точку передачи между разными мгновениями во времени и пространстве, а также между разными уровнями, формами, степенями и конфигурациями процесса мышления, которое, как и письмо, не может встраиваться в форму линейности, поскольку движется в сети столкновения с идеями и другими текстами, выходя за их пределы. Методологическая линейность, свойственная классическим гуманитарным наукам, должна смениться ризоматичным стилем мышления, который позволил бы проявиться множеству связей взаимодействия, соединяя научный текст со множеством аспектов вне его [\[1, с. 318-319\]](#).

В постгуманистике разрабатывается номадическая модель мышления, ориентированная на аффективное раскрытие геофилософского измерения «хаосмоса» [\[14, с. 232-253\]](#), где мыслящий субъект превращается в порог непрерывных и нецелевых потоков, проявляющих витальную энергию трансформативного становления. Важным становится удерживание верности самой интенсивности аффекта, которая пронизывает текст или концепт, позволяя уловить их скрытую силу — то, на что они способны или уже оказались способны, и каким образом их энергия воздействует как на самого субъекта, так и на других [\[27\]](#). Память в этом контексте обретает смысл не только как хранение прошлого, но как переживание того, какое аффективное впечатление оставляют объекты и данные, отзываясь в теле и мысли. Эта динамика тесно сопряжена с воображением, которое не ограничивается пассивным воспроизведением, но оборачивается творческим пересозданием опыта, превращающим прошлое в источник новых форм мысли и чувствования.

Одной из ключевых характеристик постгуманитарных наук является утверждение разнообразие зое (нечеловеческой жизни) в неиерархической манере, признающей дифференциальный интеллект материи и различные уровни способностей и креативности всех организмов. Рассматриваемые zoe-/гео-/техно-сущности становятся партнерами в производстве знания, из чего следует, что мышление и познание не являются прерогативой человека [\[8, с. 1187\]](#). Таким образом, мир определяется сосуществованием множества органических видов, вычислительных сетей и технологических артефактов, находящихся рядом друг с другом [\[28\]](#). Номадический образ постчеловеческого познающего субъекта рассматривается как временной континуум и коллективный ассамбляж, связанный как с процессами изменения, так и со строгой этикой чувства принадлежности к экософскому сообществу. Одновременность существования в совместном мире, определяющая этику взаимодействия не только с человеческим, но и нечеловеческими другими, означает «со-присутствие», из чего возникает коллективное распределенное сознание, трансверсальная форма не-синтетического понимания соединяющей всех реляционной связи. Таким образом, центром этики и эпистемических структур становится отношение и понятие сложности, что имеет важные следствия для

производства научного знания.

Методологические основания постгуманитарных наук

Одним из ключевых методов постгуманитаристики является дефамилиаризация, с помощью которой познающий субъект стремится выйти за пределы привычного нормативного образа самого себя и обнаружить собственное существование в «постчеловеческой системе координат» [\[1, с. 322\]](#). Этот процесс предполагает смещение отношения к нечеловеческим другим, отказ от устойчивых форм идентификации, укоренённых в антропоцентрической традиции и гуманистическом мышлении. В результате субъект мыслится как реляционный, то есть находящийся в сложной сети связей и взаимозависимостей с множеством иных форм бытия.

Ф. Феррандо замечает, что в основе постгуманитарных наук должна лежать «постгуманистическая методология» [\[29, с. 11\]](#), которая находит свои ризоматические очертания в постмодернистской критике объективного знания и абсолютной истины. Благодаря ее динамичному, мутирующему и изменчивому характеру, она сближается с основными положениями эпистемологического анархизма П. Фейерабенда [\[30\]](#), открывающего пространство для эпистемологической децентрализации, отказа от доминирующей фигуры универсального рационального субъекта и признания множества форм познания, включая «ненаучные» и маргинализированные. Его идеи глубоко резонируют с постгуманистическим подходом, который также направлен на дестабилизацию модернистских эпистемологических оппозиций: субъект/объект, культура/природа, разум/тело, человек/машина. Постгуманизм отказывается от идеи автономного человеческого субъекта как главного источника знания и подчеркивает роль нечеловеческих агентов, технологий, материальности, экологии и инфраструктур в процессах познания и бытия. Подобно Фейерабенду, постгуманистическая методология стремится к множественности, реляционности и методологической гибкости. Его отказ от единого методологического канона, внимание к историчности и контингентности знания, а также признание культурной и политической встроенности науки совпадают с теми же принципами, которые лежат в основе постгуманитарных исследований. В обоих подходах утверждается необходимость критического пересмотра самой идеи научного знания как привилегированного и универсального — в пользу открытой, гибкой и инклюзивной эпистемологии. Феррандо также заключает: «Постгуманистическая методология должна быть адаптивной и чувствительной; ей необходимо обращаться к собственной семиотике, герменевтике, прагматике, метаязыку, чтобы осознавать возможные последствия своих действий на политическом, социальном, культурном и экологическом уровнях. Эти последствия основаны как на теоретических утверждениях постгуманизма, так и на том, как он формулирует собственные нарративы; на том, в какие традиции он вписывает свои высказывания и каким языком эти высказывания производятся» [\[29, с. 11\]](#).

Феррандо также отмечает, что постгуманистическая методология, формирующая новую модель гуманитарных наук, отказывается от привилегированного статуса письменного текста. В центре оказывается «многофокусная этнография» с её «рассеянным во времени и пространстве» подходом [\[31\]](#), а также практики автоэтнографического перформанса [\[32\]](#), рассматриваемые как способ пересборки «я» и «тела» в академическом поле рефлексии. Постгуманистическая методология также включает в себя распространение и популяризацию знаний, солидаризируясь с правовой системой «Creative Commons» и принципами «открытого источника», чтобы продвигать знания по принципу «делиться одинаково», обеспечивая будущим поколениям доступное

культурное наследие [29, с. 12]. Таким образом, постгуманитарные тексты должны отражать человеческий опыт во всем его спектре, чего возможно добиться благодаря интерсекциональному подходу, цитируя теоретиков и мыслителей, происходящих из разных культурных и дисциплинарных контекстов, предлагающих альтернативные взгляды.

Еще одним не менее важным методологическим принципом постгуманитарных наук становится более тесное сближение науки, философии и искусства. Отмечается, что продуцируемое знание этих видов интеллектуальной деятельности привязано к общему плану интенсивной самопреобразующей энергии Жизни, континуум которых поддерживает онтологию становления как концептуального двигателя постгуманистической номадической мысли [1, с. 327]. Поскольку наука занимается реальными физическими процессами конкретного актуального мира, она менее поддается процессам становления или дифференциации, а значит должна быть открыта философии как дополнительному инструменту для исследователя. Задачей мышления становится развитие способности вступать в различные виды отношений, влиять и испытывать влияние, а значит испытывать качественные изменения и творческие противоречия, что в конечном итоге является прерогативой искусства.

Монистическая онтология, лежащая в основе новой модели гуманитарных наук, позволяет критическому мыслителю объединить философию, науку и искусство в новый союз, переопределяющий отношения между естественно-научной и гуманитарной культурами как двумя разными подходами к витальной материи, составляющей основу для субъективности и ее планетарных отношений [1, с. 329]. Делезианский концепт «геофилософии» стимулирует гуманитарные науки к поиску творческого диалога с современными достижениями биологии и физики [33]. Исходя из аутопоэтического понимания материи, подчеркивается сложность разграничения между ее актуальными состояниями и виртуальными процессами становления. Актуальные состояния материи и виртуальные процессы её становления требуют различных исследовательских подходов. Однако именно те из них, которые обращены к становлениям и открыты к неопределенности, обладают большей этической чувствительностью и выходят за пределы экономических императивов развитого капитализма, включая его когнитивную экспансию в сферу живой материи. В этом контексте постгуманистическая критика подчеркивает необходимость переосмысливания научных законов через призму субъекта познания, понимаемого как сложная сингулярность, аффективный ассамбляж и реляционная виталистическая сущность.

Потенциальные риски новой модели гуманитарных наук

Современные постгуманитарные исследования, нацеленные на преодоление антропоцентризма и пересмотр исключительного статуса человека, сталкиваются с рядом принципиальных возражений. Один из наиболее аргументированных критических анализов предложен А.В. Дьяковым, который рассматривает постантропоцентристические подходы, включая акторно-сетевую теорию Б. Латура, в контексте так называемого «теоретического антигуманизма» [34]. По мнению исследователя, устранение фигуры человека как привилегированного субъекта знания приводит к размыванию самой предметности гуманитарных наук. Если в классической гуманитаристике человек выступал носителем уникального когнитивного и культурного статуса, то в постгуманитарной перспективе он оказывается сведен к одному из множества акторов, не обладающих ни качественными различиями, ни эпистемологическим приоритетом. В результате гуманитарные науки теряют устойчивое основание своей специфики:

исчезает бинарная оппозиция «человеческое – нечеловеческое», обеспечивавшая им предметную область и методологическую целостность. По сути, человек становится неразличимым среди других элементов сетевого взаимодействия, что делает гуманитарное знание, по выражению Дьякова, «не то чтобы беспредметным, но неуместным» — анархическим разделом этологии, утрачивающим собственный объект [34, с. 188].

Критика постгуманистики, таким образом, заключается не в отрицании необходимости пересмотра гуманистического наследия, а в указании на предельные последствия этого пересмотра. Равноправие всех акторов и отказ от фигуры человека как эпистемологического центра грозят обернуться утратой способности гуманитарных наук осмыслять культурные, этические и экзистенциальные измерения человеческого опыта. Вслед за Ж. Бодрийяром Дьяков подчеркивает парадоксальность положения, при котором гуманитарное знание, стремясь к универсализации и децентрализации, оказывается на грани самоотмены — превращается в систему, доведённую до собственного самоуничтожения [34, с. 189].

Тем не менее Дьяков предлагает несколько возможных сценариев выхода из этого кризиса: сохранение гуманитарных наук в прежнем виде как формы «симуляции» их утраченного предмета; следование деконструктивистской логике постоянного сворачивания и пересмотра собственных дискурсов; либо контролируемая пролиферация гуманитарных исследований в смежные и новые области знания, что может позволить им парадоксальным образом обрести потерянный объект — человека — в обновлённой, постантропоцентристической форме. В этом смысле критика Дьякова выявляет внутренние пределы постгуманистики и напоминает, что децентрализация человека не должна означать его концептуального исчезновения, иначе гуманитарные науки рискуют утратить не только предмет, но и саму возможность критического самопознания.

Можно также выделить и другие внутренние методологические напряжения и риски, которые могут подорвать собственные цели постгуманитарного знания. Среди них:

1. **Репродукция гегемонистского эпистемологического порядка или «гегемонистский эссенциализм».** Несмотря на заявленную критику универсализма, постгуманитарные исследования могут неосознанно воспроизводить гегемонистские практики, опираясь преимущественно на признанных авторитетов западной теории, что приводит к закреплению культурно-академической монополии и снижает шансы на подлинный эпистемологический плюрализм. Опасность подобного подхода заключается в склонности к интеллектуальному комфорту — режиму *ipse dixit*, при котором авторитетное мнение автоматически воспринимается как истина, не подвергаясь критической проверке [29, с. 13].
2. **Изоляция маргинализированных нарративов.** В стремлении дать голос угнетенным субъектам и продвигать альтернативные формы знания, постгуманитарные практики могут впасть в методологическую замкнутость. Подобный «эссенциализм сопротивления» [29, с. 15] при всей своей критической значимости рискует создавать закрытые исследовательские кластеры, где важен не междисциплинарный диалог, а подтверждение «своего» голоса, что чревато фрагментацией научного пространства и утратой продуктивной критической динамики.
3. **Смещение от критики к догматизму нового типа.** Методологическая опасность заключается и в том, что как гегемонистские, так и контр-гегемонистские позиции могут превратиться в догматические. В одном случае это «*ipse dixit*»

признанных авторитетов, в другом — безапелляционное первенство маргинального опыта. Оба случая порождают интеллектуальную инерцию и сопротивление внутренней критике.

4. **Парадоксальная десубъективизация исследователя.** Постгуманистическая критика субъекта может привести к размыванию исследовательской позиции и подрыву ответственности учёного за создаваемое знание. При понимании «Человека» как конструкта, а субъекта — как сети отношений, ответственность за интерпретацию, отбор данных и выработку критериев оказывается неочевидной. В методологическом плане это порождает неопределенность, затрудняющую теоретическую операционализацию.
5. **Утрата критериев валидности и научной согласованности.** Поскольку постгуманитарные науки отказываются от универсалистских стандартов, существует риск стирания границ между исследовательским анализом и активистским высказыванием, между знанием и нарративом. Это ставит под вопрос воспроизводимость, обоснованность и объективность получаемых результатов, что в долгосрочной перспективе может ослабить легитимность постгуманитарных исследований в академической среде.

Выводы

В условиях стремительных трансформаций академического ландшафта постгуманитарные науки заявляют о себе как ответ на вызовы когнитивного капитализма, стремясь не просто отреагировать на изменения, но активно их перенаправить — в сторону критических, неприбыльных, неутилитарных форм знания. Это направление предлагает переопределение самих условий мышления, опираясь на гетерогенные линии трансверсальности, децентрализованные формы субъективности и радикально переосмыслиенные отношения между человеком, технологией и средой. Тем не менее, несмотря на свою аффirmативную, критически ангажированную установку, постгуманитарное знание не лишено внутренних рисков — прежде всего утраты предметной определённости, десубъективизации исследователя, размывания границ между различными формами познания и риска репродукции новых форм гегемонии. В этой связи требуется осмотрительный, методологически обоснованный и поэтапный переход к новым научным перспективам, сопровождаемый углублённой рефлексией методов и разработкой институциональных механизмов, способных минимизировать указанные риски.

Библиография

1. Брайдотти Р. Постчеловек / пер. с англ. Д. Я. Хамис. М.: Изд-во Института Гайдара, 2021.
2. Crawford E. Nationalism and Internationalism in Science, 1880–1939: Four Studies of the Nobel Population. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
3. Proctor R. Racial Hygiene: Medicine Under the Nazis. Cambridge: Harvard University Press, 1988.
4. Dupré J. Against Scientific Imperialism // PSA: Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association. 1994. Vol. 2. Pp. 374-381.
5. Quijano A. Coloniality of Knowledge, Eurocentrism, and Latin America // Nepantla: Views from South. 2000. No. 1(3). Pp. 533-580.
6. Jong A. Modern Episteme, Methodological Nationalism and The Politics of Knowledge in Political Science // Frontiers in Political Science. 2023. Vol. 5. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/political-science/articles/10.3389/fpos.2023.1172393/full> DOI: 10.3389/fpos.2023.1172393 EDN:

VMW QII.

7. Braidotti R. *Nomadic Subjects: Embodiment and Sexual Difference in Contemporary Feminist Theory*. NY: Columbia University Press, 2011.
8. Braidotti R. *Transversal Posthumanities* // *Philosophy Today*. 2019. No. 63(4). Pp. 1181–1195.
9. Chandler J. *Critical Disciplinarity* // *Critical Inquiry*. 2004. No. 30(2). Pp. 355-360.
10. LeMenager S., Foote S. *The Sustainable Humanities* // *Publications of the Modern Language Association of America*. 2012. No. 127(3). Pp. 572-578.
11. Мёрчант К. *Антропоцен и гуманитарные науки. От эпохи изменений климата к новой эре устойчивости* / пер. с англ. П. Гаврилова. СПб: Academic Studies Press, 2023.
12. Hayles K. N. *How We Became Posthuman: Virtual Bodies in Cybernetics, Literature, and Informatics*. Chicago: The University of Chicago Press, 1999.
13. Феррандо Ф. *Философский постгуманизм* / пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022.
14. Делёз Ж., Гваттари Ф. *Что такое философия?* / пер. с фр. и послесл. С. Зенкина. М.: Академический проект, 2009. EDN: QXAЕFV.
15. Moulier-Boutang Y. *Cognitive Capitalism*. Cambridge: Polity Press, 2012.
16. Срничек Н. *Капитализм платформ* / пер. с англ. и науч. ред. М. Добряковой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. EDN: VRPYEZ.
17. Шваб К. *Четвертая промышленная революция* / под ред. А. Меркульевой. М.: Эксмо, 2021.
18. Crutzen P. J., Stoermer E. F. *The 'Anthropocene'* // *Global Change Newsletter*. 2000. No. 41. Pp. 17-18.
19. Kolbert E. *The Sixth Extinction: An Unnatural History*. NY: Henry Holt Company, 2014.
20. *Principles of Transversality in Globalization and Education* / Ed. by D.R. Cole, J.P. Bradley. New York: Springer, 2018.
21. Åsberg C., Koobak R., Johnson E. *Post-humanities Is a Feminist Issue* // *Nordic Journal of Feminist and Gender Research*. 2011. No. 19(4). Pp. 213-216.
22. Lykke N. *Postdisciplinarity* // *Posthuman Glossary*. London: Bloomsbury Academic, 2017. P. 332-335.
23. Брайдотти Р. *Критическая постгуманистика, или Относятся ли медиа-природы к природо-культурям так же, как zoe – к bios?* // *Опыты нечеловеческого гостеприимства*. М.: V-A-C press, 2018. С. 24-41.
24. Braidotti R. *Metamorphoses: Towards a Materialist Theory of Becoming*. Cambridge: Polity Press, 2002.
25. Делёз Ж., Гваттари Ф. *Тысяча плато: Капитализм и шизофрения* / пер. с франц. Я. И. Свирского. Екатеринбург; М.: Астрель, 2010.
26. *Nomadic Education: Variations on a Theme by Deleuze and Guattari* / Ed. by I. Semetsky. Rotterdam: Sense Publishers, 2008.
27. Татищев А. А. *Аппарат аффекта иммерсивных сред в теории современной культуры* // *Международный журнал исследований культуры*. 2023. № 2 (51). С. 81-87. DOI: 10.52173/2079-1100_2023_2_81 EDN: ISRQYZ.
28. Alaimo S. *Bodily Natures: Science, Environment, and the Material Self*. Bloomington: Indiana University Press, 2010.
29. Ferrando F. *Towards A Posthumanist Methodology. A Statement* // *Frame Journal for Literary Studies*. 2012. No. 25(1). Pp. 9-18.
30. Фейерабенд П. *Против метода. Очерк анархистской теории познания* / пер. с англ. А. Л. Никифорова. М.: ACT, 2007.
31. Marcus G. E. *Ethnography in/of the World System: The Emergence of Multi-Sited Ethnography* // *Annual Review of Anthropology*. 1995. No. 24. Pp. 95-117. EDN: HFAHYV.

32. Spry T. Performing Autoethnography: An Embodied Methodological Praxis // Qualitative Inquiry. 2001. No. 7(6). Pp. 706-732. DOI: 10.1177/107780040100700605 EDN: JPCYIV.
33. Bonta M., Protevi J. Deleuze and Geophilosophy. A Guide and Glossary. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2004.
34. Дьяков А. В. Теоретический антигуманизм в гуманитарных науках: к вопросу о перспективах антропоцентризма // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2023. № 3. С. 184-191. DOI: 10.24412/2071-6141-2023-3-184-191 EDN: KLCAKG.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметное поле статьи сформировано концептами "постчеловек", "постчеловечество", "постгуманизм", "постантропоцентризм", популярными сегодня в сфере философской антропологии. Постгуманизм как философское мировоззрение выходит за рамки традиционного гуманизма и переосмысливает представление о человеке, сложившееся в эпоху Просвещения. Это мировоззрение рассматривает человека как одну из переходных форм в процессе эволюции, которая должна быть трансформирована и улучшена с помощью технологий (например, биоинженерии, ИИ, киберимплантов). Таким образом, постгуманизм как концепция предсказывает, что в недалеком будущем произойдет своеобразное слияние человека, животного и машины. Автор в своей статье затрагивает эти моменты и переходит от них к рассмотрению того, каким должно стать гуманитарное знание о человеке в постгуманистическом мире.

Тематика статьи безусловно актуальна, так как касается одного из наиболее ярких и динамично развивающихся течений современной философской мысли. Несмотря на то, что автор преимущественно пересказывает положения теоретиков постгуманизма (Р. Брайдотти, Ф. Феррандо и др.), он или она делает это достаточно корректно, а относительной новизной рецензируемой статьи можно признать то обстоятельство, что автор знакомит русскоязычного с содержанием некоторого количества произведений по теме, не переведенных на русский язык. Стиль изложения в целом соответствует нормам академического письма, хотя автор допускает тавтологию ("новые неологизмы") и в некоторых местах приближается к публицистике, о чем будет сказано в своем месте. Тем не менее, статья написана ярко и динамично, что следует признать ее несомненным достоинством.

В самой статье имеет место анализ методологии, к которой прибегают постгуманистические исследователи, однако автор ни словом не охарактеризовал собственную методологию. Это серьезное упущение; по нашему мнению, его необходимо исправить, посвятив хотя бы небольшой подраздел методологическим вопросам.

Структура и содержание представленной работы в целом логично: во введении дается краткая характеристика исследуемой проблематики, далее анализируется постантропоцентрический контекст развития гуманитарного знания, изучаются состояние и перспективы постгуманитарных наук, представляется модель познающего субъекта постгуманитарных наук и приводятся размышления на тему их методологии. Однако, по

мнению рецензента, после этого, в части выводов нарушается логика исследования. Дело в том, что в этом разделе принято в кратком виде сводить воедино выводы, к которым исследователь пришел в ходе своего исследования. Здесь же автор вместо этого рассуждает о рисках, которые поджидают постгуманистические исследования.

Библиография статьи составляет 33 источника, из которых около половины на иностранном языке. Из этого списка доля актуальных работ, опубликованных за последние 10 лет, достаточна. Таким образом, библиографический список отвечает требованиям к публикуемым статьям.

Работа, без сомнения, может вызвать интерес как профессионалов, так и широкого круга читателей, интересующихся постгуманитаристикой.

Подводя итог, можно заключить, что представленная к рецензированию статья заслуживает публикации при условии доработки.

Автору рекомендуется устранить следующие недостатки:

1. Во введении прописать цель и задачи работы. Охарактеризовать объект и предмет исследования. Также следует либо во введении, либо в отдельном подразделе охарактеризовать методологию.
2. При живости изложения статья страдает некоторой декларативностью. Такие смелые утверждения, как "наблюдаемый сегодня распад антропоцентризма и крах гуманизма вызвали смещение дискурсивных границ и категориальных различий, которые также приводят к внутреннему расколу гуманитарных наук", "антропоцентрическое ядро гуманитарных наук должно смениться конфигурацией комплексных знаний, преимущественно из исследований науки и техники, что открывает возможность выхода на новое глобальное эксофское измерение" (в статье постулируется или в лучшем случае дается со ссылкой на различных авторов достаточно много подобного рода утверждений), нуждаются в большей детализации и критическом анализе. При чтении статьи складывается впечатление, что постгуманитарные положения - предмет научного консенсуса, что вовсе не так. Поэтому следовало бы посвятить хотя бы несколько абзацев критике постгуманизма.
3. Из второго пункта вытекает третий. В разделе "Выводы" автор размышляет о рисках и трудностях, с которыми могут столкнуться постгуманитарные исследования. Было бы логично переместить эти соображения в основную часть исследования, обогатив их ссылками на работы, критикующие постантропцентристическую модель развития гуманитарных наук. В самом же разделе "Выводы" рекомендуется суммировать результаты, к которым автор пришел в своем исследовании.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Данная статья посвящена актуальной и дискуссионной теме трансформации гуманитарного знания в условиях преодоления антропоцентрической парадигмы. Автор предпринимает попытку философско-теоретического обоснования постгуманитарной модели познания. При этом предметом исследования выступает обозначенная выше модель познания, которая формируется на стыке философии, науки и технологии. Подобная постановка вопроса исследования расширяет рамки традиционного осмысливания гуманитаристики как области науки. Актуальность исследования не вызывает сомнений, поскольку оно напрямую отвечает на вызовы, связанные с технологизацией, экологическим кризисом и необходимостью пересмотра эпистемологических оснований гуманитаристики.

Методологическая основа работы представляется комплексной и релевантной поставленным задачам. Сочетание философско-герменевтического, критико-дискурсивного и сравнительного подходов позволяет осуществить многоуровневый анализ проблемы. Особого внимания заслуживает последовательная реконструкция ключевых концептов постгуманитарной мысли, включая трансверсальность, реляционность и зое-центризм, с опорой на работы Р. Брайдотти, Ф. Феррандо и других представителей этого направления.

Научная новизна исследования заключается в систематизации методологических оснований постгуманитаристики и выявлении ее специфического категориального аппарата. Автор убедительно демонстрирует произошедший сдвиг от социального конструктивизма к неоматериалистической онтологии, что действительно составляет суть эпистемологического переворота в гуманитарных науках. Ценным представляется анализ таких принципов, как дефамилиаризация, номадическое мышление и трансверсальная педагогика, которые раскрывают практическое измерение предлагаемой модели.

Стиль изложения в целом соответствует академическим стандартам, хотя в некоторых разделах наблюдается избыточная терминологическая насыщенность, затрудняющая восприятие. В структурном отношении статья хорошо выверена и построена от критики антропоцентризма через описание постгуманитарных наук к анализу методологических оснований и потенциальных рисков. Содержательная часть работы отличается глубиной проработки материала и широким охватом релевантных источников.

Библиографический список репрезентативен и включает ключевые работы по проблематике, хотя можно отметить некоторый перекос в сторону западной традиции при относительной скучности обращения к отечественным исследованиям, за исключением работы А.В. Дьякова.

Важным достоинством статьи является апелляция к оппонентам и критическое осмысливание пределов самой постгуманитарной парадигмы. Автор не избегает сложных вопросов о потенциальной утрате предметности гуманитарных наук, рисках методологического догматизма и парадоксальной десубъективизации исследователя. Раздел о потенциальных рисках демонстрирует зрелость научной рефлексии и понимание спорных моментов предлагаемого подхода.

Выводы работы сбалансированы и отражают как эвристический потенциал

постгуманитаристики, так и ее внутренние противоречия. Статья, несомненно, вызовет интерес у читательской аудитории журнала «Философия и культура», поскольку затрагивает фундаментальные проблемы современного гуманитарного знания. Работа вносит существенный вклад в развитие философской дискуссии о будущем гуманитарных наук и может служить основой для дальнейших исследований в этой области. Несмотря на отмеченные терминологические сложности, статья рекомендуется к публикации после незначительной стилистической правки.